

вает несостоятельность всего тезиса: многие из фактов, на которые опирается Дж. Феннел (фамильные связи Курицыных и Патрикеевых, литовская ориентация еретиков), были отвергнуты еще в дореволюционной науке.

Своеобразным дополнением к направлению Нила, «внецерковной формой духовного протеста», существовавшей наряду с «внутрицерковной», считает ересь и Г. Штекль: по его мнению, именно «свободный религиозный индивидуализм», сближавший Нила с еретиками, свидетельствовал о том, что и это течение не могло спасти русское монашество от наступающего упадка.⁷⁴ Совсем отстраняет вопрос о еретиках И. Кологривов — для него они только «противники русской духовности».⁷⁵

Таким образом, вопрос о взаимоотношениях между основными направлениями общественной мысли конца XV—начала XVI в. не получил удовлетворительного разрешения ни в дореволюционной русской, ни в иностранной научной литературе. Приняв схему, разделяющую публицистов времени образования Русского централизованного государства на сторонников самодержавия — иосифлян и их противников — нестяжателей, не сделал попыток проверить достоверность этой схемы, исследователи оказались в серьезных противоречиях с фактами; совершенно выпали из этой схемы еретические движения конца XV—начала XVI в.

III

Новый этап в изучении идеологических движений конца XV—начала XVI в. связан с развитием советской историографии и литературоведения. Идеологическая борьба в период образования централизованного государства получает теперь более глубокое осмысление — она рассматривается как отражение (хотя часто и в мистифицированной, богословско-религиозной форме) классовой борьбы того времени. Тем самым история общественной мысли конца XV—начала XVI в. ставится в тесное взаимодействие с историей этого периода вообще.

Первые попытки связать историю идеологической борьбы в конце XV—начале XVI в. с социальной борьбой были сделаны еще до революции — в «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова и «Русской истории» М. Н. Покровского и Н. М. Никольского. Начав вторую часть своей книги словами Гегеля «Противоречие ведет вперед», Г. В. Плеханов затем рассматривал «движение общественной мысли в допетровской Руси» как следствие борьбы между различными общественными группами: движение общественной мысли под влиянием борьбы духовной власти со светской, под влиянием борьбы дворянства с боярством, боярства с духовенством и т. д. Благодаря такой постановке вопроса, Г. В. Плеханов иначе, чем его научные предшественники, охарактеризовал идеологию Иосифа Волоцкого: волоколамского игумена он рассматривал

⁷⁴ G. Stöckl. Zur Geschichte. . ., стр. 128—129.

⁷⁵ J. Kologrivov. Essai sur la sainteté en Russie, стр. 176. Мы не разбираем здесь работы, специально посвященные ереси; например статьи: G. Verpatsky. The Heresy of Judizers and the Policies of Ivan III of Moscow. — Speculum, vol. VIII, № 4, Oct. 1933; B. Parain. La Logique des Judaisants. — Revue des études slaves, XIX, 1939; V. Strojev. Zur Herkunftsfrage der «Judaisierenden». — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XI, 1934; D. Číževskij. Die «Judaisierenden» und Hussiten. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XVII, 1940. Точно так же мы не включаем в этот обзор работ, специально посвященных Иосифу Волоцкому; например: M. Raeff. An early theoretist of Absolutism: Joseph of Volokolamsk. — The American Slavic and East European Review, v. VIII, № 2, Apr. 1949; T. Spidlik. Joseph de Volokolamsk. Une chapître de la spiritualité russe. Roma, 1956.